

Катерина Файн

Бродский. Круг и треугольник
пьеса в двух действиях

Санкт-Петербург, 2020

katfine@yandex.ru
<http://katfine.narod.ru>
+7-911-161-65-62

Действующие лица:

ИОСИФ – поэт

ДМИТРИЙ – поэт

МАРИНА – муза

СУДЬЯ

Первое действие

Сцена первая

Скромное пространство без излишеств, одновременно напоминающее комнату и коридор коммунальной квартиры 1960-х годов. Телефон, велосипед, раскладушка, пара стульев. Стол, на котором стоит печатная машинка, проигрыватель с пластинкой, ажурная пепельница. Несколько книг и журналов небрежно лежат на полу и стульях. В глубине комнаты – окно, выходящее на Собор. Окно занавешено плотной шторой.

Свет на сцене зажигается, мы видим наших героев. Девушка между двумя юношами. В руках у них музыкальные оркестровые треугольники. Они исполняют «Очи чёрные», подпевая в такт музыке, которая звучит фоном.

Свет на секунду гаснет, и мы видим уже одного Дмитрия, слезающего с велосипеда. Звучит голос за сценой.

Г о л о с. К вам заходил... уж не знаю кто – ваш друг? Приятель? На столе он оставил записку. Очень недурного содержания.

Д м и т р и й (*подходит к столу, вынимает лист из печатной машинки, читает*). Деметр! Пока ты посещал своего дантиста, я написал гениальные стихи. Вот они:

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду.
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму.
И апрельская морось,
под затылком снежок,
и услышу я голос:
– До свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой.
Словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

Где он нашёл на Васильевском тёмно-синий фасад? Сам, что ли, выкрасил? О, тут ещё и посвящение: Е.В., А.Д. Очень мило! Девочки-сёстры – конечно, Валихан с Друзиной. Ося по-прежнему охмуряет студенток филфака. Молодец! *(комкает лист, бросает на пол)*.

Входит Иосиф, в руках книга, левое запястье перемотано бинтом. Этот бинт он старательно прячет под рукав. Звонит в велосипедный звонок. Дмитрий оборачивается.

Д м и т р и й. А, это ты... Хорошо, что вернулся. Придумай рифму к слову «тоска».

И о с и ф. Скучаешь?

Д м и т р и й. Скорее, мучаюсь своим положением в этом доме. Кажется, за мной шпионят. Ревнуют, роются в моих карманах... *(собирает книги, кладёт на стол)*.

И о с и ф. Жена?

Д м и т р и й. Вместе с тещей.

И о с и ф. А ты не оставляй в карманах чужие записки. Не оставляй ничего, кроме носового платка.

Д м и т р и й. Надоело оглядываться!

И о с и ф. Надо либо смириться, либо быть тверже и настаивать на личном пространстве.

Д м и т р и й. Тебе хорошо рассуждать – у тебя нет тещи.

И о с и ф. Пока нет. Но если тебе интересно, моя потенциальная теща тоже меня не любит.

Д м и т р и й. Почему?

И о с и ф. Видимо, ищет для своей дочери более выгодную партию.

Д м и т р и й. Значит, и моя ищет... Всё, пора разводиться!

И о с и ф. Ну, тогда, войска, пропуска, резка, низка, доска, куска, волоска... Хватит?

Д м и т р и й. Вполне, спасибо.

И о с и ф. У меня была одна знакомая, её мать училась у Гумилёва. И как-то на одном из занятий она спросила: можно ли научиться писать стихи, как Ахматова? А он ответил: «Как Ахматова – вряд ли. Но вообще научиться очень просто. Надо придумать две приличные рифмы, а пространство между ними заполнить, по возможности, не очень глупым содержанием».

Д м и т р и й. Разумно. Но есть ещё один секрет.

И о с и ф. Какой?

Д м и т р и й. В стихотворении должно быть минимум прилагательных и максимум существительных.

И о с и ф. Это любопытно!

Д м и т р и й. Существительных даже больше, чем глаголов.

И о с и ф. Твоя теория?

Д м и т р и й. Не моя. Женькина.

И о с и ф (*задумываясь*). А что – пожалуй, он прав!

Д м и т р и й. Кстати, Ося... (*играет скомканным листком в футбол*). Ты, наверное, заметил, что нас всё чаще упоминают рядом с Ахматовой, причем как единую литературную группу?

И о с и ф. Конечно, заметил. Не скрою, мне это льстит.

Д м и т р и й. Мне такое определение тоже нравится. Я готов признать себя в рамках этого круга. Назовем его «школой Ахматовой». А ты признаешь себя внутри этой связки?

И о с и ф. Безусловно.

Д м и т р и й. А если мы её ученики, то чему нас учит Ахматова? Ведь писать стихи мы, вроде как, умеем... Мне вот кажется, что она учит достоинству. (*делает нас в сторону Иосифа*).

И о с и ф. Достоинству? Скорее, величию! (*нас*).

Д м и т р и й. А, может, царственной осанке? (*нас*).

И о с и ф. Я думаю, она учит слышать музыку в слове.

Д м и т р и й. И прощать!

И о с и ф. А ты знаешь, какая похвала от Анны Андреевны самая высокая? Когда она говорит: «Такого по-русски ещё не было».

Д м и т р и й. Да, нам повезло, что мы с ней знакомы. И вообще, что мы живём в одном городе. (*пауза*). Для тебя стихи – это исповедь или проповедь?

И о с и ф. Для меня – это молитва.

Д м и т р и й. Принимается! (*пауза*). А что у тебя с рукой?

И о с и ф. Да так, неважно.

Д м и т р и й. Прекрасная дама?

И о с и ф. Уже всё в порядке.

Д м и т р и й. В прошлый раз, когда мы были в Комарово без тебя, Анна Андреевна сказала: «Вас четыре поэта. Чтобы была школа, нужна поэтесса. Возьмите Горбаневскую».

И о с и ф. Не самая лучшая мысль.

Д м и т р и й. Да мы, в общем, ничего и не решили...

И о с и ф (*закуривая*). «Любовь, любовь, какая чушь, какая птичья болтовня...». Это же она? Слушай, на днях я еду в Москву... Ты ведь знаком с Дезиком? Дай мне рекомендательное письмо к нему. Хочу напечатать переводы с польского. Может, удастся немного заработать.

Д м и т р и й. Хочешь пристроить своего Галчинского?

И о с и ф. Ну, если получится. Там у них своя переводческая мафия, чужих не пускают... Везде нужны связи.

Д м и т р и й. Ладно, попробую отрекламировать тебя в лучшем виде. Хотя, кто я такой для Самойлова? Так, начинающий поэт... Когда уезжаешь?

И о с и ф. Послезавтра.

Д м и т р и й. Дашь до отъезда словарь?

И о с и ф (*протягивает книгу*). Только верни, не забудь! Я пойду. Пока! (*уходит*).

Дмитрий открывает книгу, из неё выпадает фотография Марины. Свет гаснет, одинокий луч освещает только Дмитрия.

Д м и т р и й. Какая интересная девушка! Какие глаза! «Они сулят то хлад, то летний зной, но нет в них малой капли сострадания...». Удивительно! Она красива! Где я мог её видеть? Очень похожа на портрет «Неизвестной» Крамского. Что-то интригующее и непостижимое. Тонкие черты лица, губы... Господи! Как манят эти губы! Я даже хочу их поцеловать... Кто она?

Телефонный звонок. Дмитрий снимает трубку.

Д м и т р и й. Алло! Привет! Ося? Да, он был у меня. Только что ушёл. Буквально минуту назад. А что случилось? (*пауза*). «Вечерний Ленинград»? Нет, я не выписываю. Что за ерунда? Какая статья? Какой трутень? Подожди, я попробую крикнуть из окна! (*подбегает к окну*). Ося! Ося!

Сцена вторая

Тот же интерьер. Иосиф и Марина сидят за столом, пьют вино. Марина что-то рисует в блокноте.

И о с и ф. А хочешь, поедem к Генке Шмакову? Там вчера была такая утка! Большая, жирная! Мы её не доели, думаю, крылья ещё остались.

М а р и н а. Крылья – это хорошо! Шмаков... Шмаков... Это который Кавафиса переводит?

И о с и ф. И Кавафиса, и Верлена, и Кокто, и даже Пруста. Генка у нас очаг культуры. Буквальное воплощение и главный её университет.

М а р и н а. Заманчиво и любопытно! Но я бы предпочла остаться с тобой наедине.

И о с и ф (*целуя Марину*). Что ты рисуешь?

М а р и н а. Крылья.

И о с и ф. Но они ведь кому-то принадлежат? Это кто?

М а р и н а. Чёрный дрозд с дизайнерским жёлтым клювом. Для книжки «Поёт зяблик». Послезавтра надо сдавать. Надеюсь успеть.

И о с и ф. Нарисуй меня. Для своей книжки.

М а р и н а. Пожалуйста! (*быстро водит карандашом в блокноте*).

И о с и ф. Ты на меня даже не смотришь...

М а р и н а. Я тебя очень хорошо изучила. (*предъявляет Иосифу рисунок кота*).

И о с и ф. О, здорово! Котяра! Только жаль, что он не рыжий.

М а р и н а (*что-то дорисовывая*). В следующий раз нарисую на холсте. Будешь сидеть на окошке и пялиться вниз на прохожих. Мяу!

И о с и ф. Марина, ты гений! (*берет листок, быстро записывает*).

М а р и н а (*заглядывая через плечо*). Что ты там сочиняешь?

И о с и ф. Так, стишок детский...

Марина ставит пластинку, звучит джаз. Она танцует, тянет за руки Иосифа.

М а р и н а. Это счастье?

И о с и ф. Пожалуй. Счастье – это постоянство. Непрерывность удовольствия. Когда ты имеешь возможность каждый день приходиться в любимое кафе, садиться за угловой столик, и писать на салфетке новое стихотворение. А знакомый официант, улыбаясь и не задавая вопросов, приносит тебе двойной эспрессо с горячим круассаном. А ты сидишь, пьёшь ароматный кофе без сахара, и тоже улыбаешься. Это счастье. Потому что тебе, как всегда.

М а р и н а. Ты хочешь быть со мной всегда?

И о с и ф. Я уже с тобой всегда. Ты пойдёшь за меня?

М а р и н а. А разве нам плохо так?

И о с и ф. Плохо. Надо жить вместе!

М а р и н а. Пока это нереально. И потом: мои родители против. Твои, кстати, тоже. Тебе эта история ничего не напоминает?

И о с и ф. Это глупая история. Кроме того, у Шекспира она скверно кончилась. (*пауза*). Смотри! (*подводит Марину к окну*). Видишь три изогнутые стрелки на знаке «Круговое движение»? Они как будто кусают друг друга за хвост. Это замкнутый круг. Это наши с тобой отношения.

М а р и н а. Уроборос.

И о с и ф. Что за зверь такой страшный?

М а р и н а. Символ бесконечности. (*пауза*). У нас ни жилья, ни работы... У меня – детские картинки раз в полгода, у тебя – случайные переводы с польского...

И о с и ф.

Зная мой статус, моя невеста
 пятый год за меня ни с места;
 и где она нынче, мне неизвестно:
 правды сам черт из нее не выбьет.
 Она говорит: «Не горюй напрасно.
 Главное – чувства! Единогласно?»
 И это с её стороны прекрасно.
 Но сама она, видимо, там, где выпьет.

Как холостяк, я грущу о браке.
 Не жду, разумеется, чуда в раке.

В семье есть ямы и буераки.
Но супруги – единственный тип владельцев
того, что они создают в усладе... Ну, и так далее...

М а р и н а. Класс! Это же новые?
И о с и ф. Вчера написал.
М а р и н а. Знаешь, кто ты?
И о с и ф. Кто?
М а р и н а. В багрец и золото одетая лиса!
И о с и ф (*шутливо*). Я не лиса, я кот. Мы же договорились!
М а р и н а. Кот, который любит не молоко, а кофе без молока?
И о с и ф. И свежие круассаны.
М а р и н а. Ну, и где же твоё кафе с круассанами? На Монпарнасе?

Иосиф берёт со стола журнал «Лайф», раскрывает, показывает Марине.

И о с и ф. Вот здесь, в Венеции. На площади Сан-Марко.
М а р и н а. Далековато! (*иронически*). И хватит ли денег на билет?
И о с и ф. Посмотри, какое чудо! Снег и вода. У Анри де Ренье есть описание этого города – это что-то фантастическое! Столько плотности искусства на квадратный сантиметр, наверное, больше нет нигде в мире. Это идеальный город у зимнего моря! Колонны, аркады, узкие переулки, холодные мраморные лестницы, облезающая штукатурка...
М а р и н а. Да, это очень красиво! И так напоминает наш город...
И о с и ф. Запомни, что я сейчас скажу. Я буду в Венеции! Обязательно!
М а р и н а. Это невозможно! Ты сошёл с ума!
И о с и ф. Если только от тебя!

Марина и Иосиф перемещаются на раскладушку, звучит нарастающий джаз и скрип пружин. Свет постепенно гаснет, потом снова зажигается. Иосиф лежит на раскладушке, курит. Марина встаёт, подходит к столу, наливает вино, обнаруживает газету, читает.

М а р и н а. Господи, что теперь будет?!
И о с и ф. После бурной ночи бывают маленькие дети.
М а р и н а. Ося, ты сам, как ребёнок! Я не об этом! Что с тобой будет? Тюрьма?
И о с и ф. Ну, что ты! Всё будет хорошо. И потом: что такое тюрьма, в конце концов? Недостаток пространства, возмещенный избытком времени.
М а р и н а. Но ведь эта статья в «Вечёрке»... Почему ты делаешь вид, что её нет?
И о с и ф. Статья мерзкая, это правда. И она, конечно, есть. Но есть вещи поважнее «Вечёрки».
М а р и н а. Она не просто мерзкая, она ещё и опасная! (*читает*). «Таково неприглядное лицо человека, который, оказывается, не только пописывает

стишки, перемежая тарабарщину нытьем, пессимизмом, порнографией, но и вынашивает планы предательства». Предательства, Ося! Подпись – Лернер.

И о с и ф. Это глупость, написанная жалкой, ничтожной личностью.

М а р и н а. Кто такой этот Лернер?

И о с и ф. Один фанатик. Бездарный, но очень активный.

М а р и н а. Ты знаешь его лично?

И о с и ф. Ещё бы! Он даже приходил ко мне домой. Увещевал, чтобы я стал советским человеком. И надел шапку. Представляешь, его бесит, что я зимой хожу без шапки!

М а р и н а. Он запугивал тебя?

И о с и ф. Скорее, перевоспитывал.

М а р и н а. А стихи? Они же здесь не твои. Я у тебя таких не помню.

И о с и ф. Стихи не мои, верно. Моего приятеля Димы Бобышева.

Телефонный звонок. Иосиф подходит, снимает трубку.

И о с и ф. Да, привет! Заходи, конечно.

М а р и н а (*обнимая Иосифа*). Бедный, бедный! За что они тебя травят?

И о с и ф. Они ещё и следят!

М а р и н а. Ты шутишь?!

И о с и ф. Два мужика и баба. Делают это, как в плохом кино: когда я оборачиваюсь, они прижимаются к стене.

М а р и н а. Почему ты раньше не говорил?

И о с и ф. Не было повода. (*пауза*). Надо смываться в Москву.

М а р и н а. И что это изменит? Думаешь, там тебя не найдут?

И о с и ф. Ахматова обещала помочь.

М а р и н а. Как?

И о с и ф. Надо лечь в Кащенко. Перекантоваться и получить свидетельство о «психической неустойчивости».

М а р и н а. Под Новый год?!

И о с и ф. Иначе, наверное, не получится. У неё какие-то знакомые в этой больничке...

Сцена третья

Появляется Дмитрий. Он взволнован, в руках газета «Вечерний Ленинград».

Д м и т р и й. Читай! (*протягивает Иосифу газету*).

И о с и ф. Уже читал. Кстати, познакомьтесь. Это Марина, это Дима Бобышев – поэт и мой друг.

Д м и т р и й (*чуть кланяясь*). Марина, вы прекрасны!

М а р и н а. Вы тоже ничего! Это ваши стихи в статье «Окололитературный трутень»?

Д м и т р и й. Мои.

М а р и н а (*Иосифу*). Как получилась эта путаница?

И о с и ф. Понятия не имею.

Д м и т р и й. Я думаю, это самиздат Гриши Ковалёва. Недавно его забрали дружинники, изъяли сборник, а кому там принадлежат стихи – разбирать не стали. Влепили в этот дурацкий фельетон первые попавшиеся тексты, наугад. Вот и получилось, что Ося – автор моих стихов.

И о с и ф. Скорее всего, так и есть. В этой статейке только мои имя и фамилия правильны. Остальное – наглая ложь.

Д м и т р и й. Да, Лернер, конечно, тот ещё литературовед!

М а р и н а. Опять эта фамилия! (*Дмитрию*). Вы тоже его знаете?

Д м и т р и й. А как же! Командир народной дружины, которому до всего есть дело. Гроза фарцовщиков и свободных поэтов. А раньше был завклубом у нас в Техноложке. Примечательная личность... Великий комбинатор! Когда-то украл рулон тюля для занавеса у нашей театральной студии.

И о с и ф. Ты еще говорил, что он разгромил вашу институтскую стенгазету «Культура».

Д м и т р и й. Было дело. Доносил «кому следует». На том и карьере сделал. Гнусный человек.

М а р и н а (*Иосифу*). А если Кащенко мимо?

Д м и т р и й (*Иосифу*). Кащенко?! Ты собираешься лечь в психушку?

И о с и ф. Как говорят дети – понарошку. Пока всё не утрясётся.

Д м и т р и й. Не лучше ли устроиться куда-нибудь на работу? Пересидишь, а дальше видно будет.

И о с и ф. Ты имеешь мне что-то предложить?

Д м и т р и й. Я – нет. Но Алик Шейнин, например, уверял, что хоть завтра возьмёт тебя к себе лаборантом.

И о с и ф. Мне это не подходит. Я напишу опровержение в газету.

Д м и т р и й. Ты ещё в ЦК КПСС напиши! Бесполезно!

И о с и ф. Это даже не пасквиль, это стилистический идиотизм! Я напишу в любом случае.

Д м и т р и й. Если только поупражняться в красноречии. Никто не опубликует.

И о с и ф. Ты не понимаешь! Это ещё и соревнование интеллектов.

Д м и т р и й. Ну, разве что...

И о с и ф. В конце концов, каждый сам себе судья, и каждый выбирает свой путь самостоятельно.

Д м и т р и й. К сожалению, в нашей стране каждый живёт в пределах определённой системы координат.

И о с и ф. Которая ему навязана!

Д м и т р и й. Ну, мы же не в Америке...

И о с и ф (*подходя к столу, обращается к Дмитрию*). Прости, вина больше нет, выпили. Чай будешь?

Д м и т р и й. Буду, куда деваться...

Иосиф уходит.

М а р и н а. Ося говорит: самое главное – не воспринимать происходящее слишком серьезно. Но мне кажется, не в данной ситуации.

Д м и т р и й. Даже не знаю, что сказать. Думаю, дело дрянь.

М а р и н а (*отходит к окну, одёргивает штору, смотрит на Собор*). Если б я верила в Бога, я бы, наверно, молилась.

Д м и т р и й. А вы не верите?

М а р и н а (*оборачиваясь*). А вы?

Входит Иосиф с тремя чашками на подносе.

И о с и ф. Вы, вы... Что вы тут развыкались? (*раздаёт чай*).

Д м и т р и й. Как-то неудобно сразу на «ты»...

И о с и ф (*подходя к окну*). В этом Соборе, вернее, в его подвале, мы с мамой скрывались во время войны, когда немцы бомбили город. Кажется, мать прятала меня в церковном ящике для поминальных записок...

М а р и н а (*задумчиво, как бы про себя*). Кажется, я знаю, что такое счастье. Это чувство свободы от боли. Жалко, не моя мысль.

Д м и т р и й. А вы ещё и философ!

М а р и н а. Иногда. По вечерам.

И о с и ф (*после паузы*). Ну, что – может, всё-таки, к Шмакову?

М а р и н а. Доедать утку?

И о с и ф. За это время Генка уже налепил триста пельменей!

М а р и н а. А, поехали!

Сцена четвёртая

Канун Нового года. Дмитрий сидит за печатной машинкой, набирает текст. Раздаётся телефонный звонок. Дмитрий снимает трубку.

Д м и т р и й. Алло! Марина? Конечно, можно! Заходи! Я буду рад!

Дмитрий бросает трубку, мечется, пытается в аврале навести порядок, убрать книги и т.д. Появляется Марина, звонит в велосипедный звонок.

М а р и н а. Привет!

Д м и т р и й. Привет! Откровенно говоря, я не ждал тебя...

М а р и н а. Поэтому прости за беспорядок? (*улыбается*).

Д м и т р и й. Да, поэтому.

М а р и н а. Я просто проходила мимо... А там, внизу, телефон-автомат...

Д м и т р и й. Хорошо, что зашла. Вина выпьешь?

М а р и н а. А что – есть?

Д м и т р и й. Конечно!

М а р и н а. Тогда наливай!

Дмитрий наливает себе и Марине. Свой бокал тут же опустошает, наливает ещё, чтобы выпить с Мариной.

Д м и т р и й. За всё хорошее!

М а р и н а. За всё!

Д м и т р и й. Ося говорил, что ты рисуешь.

М а р и н а. Да, я учусь у Стерлигова. И оформляю детские книжки.

Д м и т р и й. Детские книжки оформляешь авангардом?

М а р и н а. Ну, нет, конечно. Детям – птички, рыбки. А у Стерлигова – теория «Чашно-купольного сознания».

Д м и т р и й. А что это?

М а р и н а. Ну, как объяснить... Это новое пластическое пространство – сферическое, криволинейное. То, к чему когда-то подбирался Малевич, а сформулировал как раз Владимир Васильевич. Смотри! (*достаёт блокнот, показывает рисунки*).

Д м и т р и й. Интересно! Никогда об этом не слышал.

М а р и н а. Зато наверняка знаешь, что в науке существует немало разных теорий строения Вселенной.

Д м и т р и й. Догадываюсь.

М а р и н а. И вот в одной из них Вселенная состоит из бесконечного количества сфер, которые касаются друг друга. Две зеркально отражающиеся кривые образуют чашу. Поэтому Стерлигов называет свою идею «чашно-купольное строение Вселенной». Это очень бегло и примитивно, но зато по сути.

Д м и т р и й (*о своём*). Касаются друг друга...

М а р и н а. Это о пространстве. А вот, к примеру, цвет... (*продолжает показывать*). Видишь, на этом рисунке светимость цвета почти иконная, чуть аскетичная...

Дмитрий как бы случайно касается руки Марины, из рук выпадает блокнот.

М а р и н а (*растеряно*). Новые свойства цвета, которые изучал Владимир Васильевич, тоже были выводом из супрематизма Малевича...

Д м и т р и й. Я... налью вина, ты не против? (*встаёт, наливает вино*).

М а р и н а. Я не против. Я даже не против, если ты что-нибудь считаешь...

Д м и т р и й. Тебе правда этого хочется?

М а р и н а. Почему нет? Я ведь почти не знаю твоих стихов...

Д м и т р и й (*роясь в бумагах на столе*). Вот, нашёл:

По черному, вгоняя землю в дрожь,
зимы прошелся белый грифель,
зимы промчался черно-белый вихрь,
замахиваясь на меня, как нож
разбойничий. Бросая душу в дрожь.

По-черному пришла ко мне любовь.
 Как птицы по ночам с насеста
 срываются, им оборвавши сердце,
 разбив крылом и оцарапав бровь,
 ресницы обломив, пришла любовь...

Звонок телефона. Дмитрий подходит, снимает трубку.

Д м и т р и й. Алло! Алик! Привет! Ты куда пропал? Да я-то здесь. Понятно...
 Да, так... Новый год? Пока не знаю. Нет, мы развелись. Ну, слушай, было бы
 здорово! Конечно! Давай! Обязательно! Шампанское? Ладно! Хорошо, до
 встречи! Пока!

М а р и н а. Отличные стихи!

Д м и т р и й. Тебе понравилось?

М а р и н а. Да! Они эмоциональные, глубокие. И даже навели меня на одну
 интересную мысль.

Д м и т р и й. Какую?

М а р и н а. Узнаешь в свой черёд.

Д м и т р и й. Какая ты загадочная.

М а р и н а. Слушай, а что у вас там с Осей произошло? Я знаю, вы поругались?

Д м и т р и й. Да так... Ерунда.

М а р и н а. И всё же?

Д м и т р и й. Пустяки, не бери в голову.

М а р и н а. Ну, мне интересно!

Д м и т р и й. Он пришёл ко мне с одной... шведской слависткой. Она приехала
 в Ленинград, чтобы писать учебник советской литературы, попросила
 рассказать о писателях. Я стал рассказывать о Платонове, Булгакове,
 Пастернаке, а он начал делать мне замечания. Я сказал: «Замолчи, не мешай
 нам!». Он что-то там ответил... Потом ответил я. Мы подрались. Потом он
 ушел со словами «Меня здесь избивают».

М а р и н а. Понятно... А что за славистка?

Д м и т р и й. Из Гётеборга. Я запомнил только белое лицо без бровей, и ярко-
 красную помаду. Даже имя не запомнил.

М а р и н а. А Ося запомнил?

Д м и т р и й. Понятия не имею.

М а р и н а. Наверное, я пойду...

Д м и т р и й. Я тебя провожу.

М а р и н а. Прямо до улицы Глинки? Ну, проводи... *(пауза)*. Я... в общем, ты
 где Новый год встречаешь?

Д м и т р и й. Я собираюсь за город. Мои приятели сняли зимнюю дачу...

М а р и н а. Можно мне поехать с тобой?

Д м и т р и й *(растерявшись)*. Почему ты без шарфа? Простудишься! Возьми
 мой! *(протягивает свой шарф)*.

М а р и н а *(берёт шарф)*. Спасибо. Так можно?

Д м и т р и й *(раздумывая)*. Наверное, можно...

М а р и н а. Тогда не провожай меня, я сама.

Д м и т р и й. Хорошо, как скажешь.

М а р и н а. До завтра! (*уходит*).

Д м и т р и й (*кричит ей вслед*). Электричка с Финляндского вокзала! В девять вечера!

Сцена пятая

Тот же интерьер, но изрядно украшенный серпантином, «дождиком», ёлочными игрушками, свечами – в общем, любыми атрибутами Нового года 1960-х. Раннее утро 1 января. Все гости зимней дачи разошлись по своим комнатам. Дмитрию тоже отвели отдельную комнату, в которой он остался вместе с Мариной. Они долго стоят, не решаясь заговорить.

Д м и т р и й. О чем ты думаешь?

М а р и н а. Я думаю, это уже просто неприлично – так долго стоять в твоей комнате и разглядывать стены и мебель. Вдвоём. Причём, с таким интересом, как будто это филиал Эрмитажа.

Д м и т р и й (*зажигая свечи, пытаясь увести разговор в другое русло*). Я много размышлял о твоих рисунках. И, знаешь, придумал целое направление твоим изысканиям – «Нежный кубизм».

М а р и н а. Да, интересно! Расскажи об этом Эре Коробовой. Она искусствовед.

Д м и т р и й. Я серьёзно.

М а р и н а. И я серьёзно. Вдруг она напишет, что я наследница Пикассо... (*смеётся*). Слушай, Дима, а у тебя есть мечта?

Д м и т р и й. Есть.

М а р и н а. Скажешь?

Д м и т р и й. Она очень тривиальна.

М а р и н а. И всё же.

Д м и т р и й. Я хочу издать книгу.

М а р и н а. Хорошая мечта!

Д м и т р и й. Я даже согласен на детскую книгу. И уже кое-что придумал. Написал приключения Куба и Шара, которые бесконечно соперничают в разных ситуациях.

М а р и н а. Интересно! И что?

Д м и т р и й. Отнёс в Детгиз, долго ходил по сонным кабинетам... Потом знакомый редактор «Костра» меня просветил: оказывается, готовые рукописи рассматриваются в течение двух-трех лет! После чего, уже отобранные, ждут своей очереди на редактуру, переделку, оформление... И сколько вся эта волынка тянется, одному Богу известно.

М а р и н а. Да, я про это слышала...

Д м и т р и й. А у тебя какая мечта?

М а р и н а. А моя мечта вытекает из твоей. Я бы хотела... твою книгу оформить. Я даже почти придумала, как это может выглядеть.

Д м и т р и й. Это было бы замечательно! Но, наверное, не в этой жизни.

М а р и н а (*спохватившись*). Я же забыла вручить тебе подарок! (*достаёт из сумки сувенирный охотничий нож в ножнах, протягивает Дмитрию*). Вот! Владей!

Д м и т р и й (*несколько обалдев*). Спасибо! Какой красивый!

М а р и н а. Надеюсь, когда-нибудь пригодится.

Д м и т р и й. Вполне возможно! Вдруг поселюсь в деревне и стану лесником. Он же охотничий?

М а р и н а. Я думаю, он не только для охоты. Главное, что он острый. (*пауза*). Потанцуем?

Д м и т р и й. А туфли? Они ведь тебе жмут...

М а р и н а. А я босиком!

Д м и т р и й. У нас нет музыки...

М а р и н а. А мы представим, что она есть!

Марина сбрасывает туфли. Звучит джаз, Марина и Дмитрий танцуют.

М а р и н а. Какая удивительная ночь! Ты загадал желание?

Д м и т р и й. Загадал. А ты?

М а р и н а. И я...

Д м и т р и й. Послушай, Марина. Прежде чем сказать ритуальные слова, я хочу задать вопрос, очень важный.

М а р и н а. Какой?

Д м и т р и й. Как же Иосиф? Мы были друзьями, теперь уже, правда, нет. Но ведь он, кажется, считал тебя своей невестой, считает, возможно, и теперь. Да и другие так думают. Что ты скажешь?

М а р и н а. Я себя таковой не считаю. А что думает он – это его дело.

Д м и т р и й. Но ты же понимаешь, что теперь весь литературный свет ополчится против нас?

М а р и н а. Какой свет? «Алики-Галики»? Это свет?

Д м и т р и й. Называй, как хочешь. Но это общие компании, мы все там бываем.

М а р и н а. Тебе они так нужны?

Д м и т р и й (*не вполне уверенно*). Наверное, без кого-то обойтись можно, но в целом...

М а р и н а. Ты опираешься на общественное мнение?

Д м и т р и й. Нет... Впрочем... Если мы вместе, больше ничего и не надо...

М а р и н а. Ну, и прекрасно! (*берет свечу, подходит к окну, смотрит куда-то вдаль*).

Д м и т р и й. Ты очень красивая! Я люблю тебя... (*подходит к Марине, обнимает*).

В этот момент Марина делает резкое движение рукой, и занавеска загорается от свечи.

Д м и т р и й (*снимая пиджак, со всей силы колотит по занавеске*). Ёлки, Марина! Сейчас пожар начнётся! Весь дом сгорит!

М а р и н а. Красиво!

Д м и т р и й. Это не спектакль!

М а р и н а. Но ведь красиво!

Д м и т р и й. Ты видишь прекрасное в ужасном!

М а р и н а. Главное, не видеть наоборот.

Д м и т р и й (*справляясь с возгоранием*). Что ты хочешь этим сказать?

М а р и н а (*загадочно*). Думаю, ты догадываешься. Не надо находить ужасное в прекрасном.

Д м и т р и й. Твоя философия бьёт наповал! К тому же, она небезопасна.

М а р и н а. Немного экстрима нам не помешает.

Дмитрий устало плюхается на раскладушку. Марина подходит, садится рядом. Дмитрий её обнимает. Звучит всё тот же джаз... Затемнение. Свет постепенно зажигается.

День, переходящий в ранний вечер. Дом ещё спит после новогодней пьянки. Спит и Дмитрий. Марина встаёт с раскладушки, приводит себя в порядок, находит туфли, надевает. В одной из туфель записка.

М а р и н а (*читает*). Милая Марина! Ты удивительная! Мы теперь заодно. Время не самое удачное – ну, и пусть. Значит – судьба! А судьба подходящих времен никогда не ждёт. Если ты выбираешь меня, ты мне вдвойне дороже. Я счастлив!

Затемнение.

Второе действие

Сцена шестая

Всё тот же интерьер, но уже без новогодней мишуры. Это комната Дмитрия. Он сидит за столом, перебирает бумаги. Звонок телефона, Дмитрий снимает трубку.

Д м и т р и й. Алло! Привет! То есть как был на даче?! Он же в Москве! Нож?! Ты разрешил ему взять мой нож?! С какой стати? Лёва... Ладно, спасибо, что позвонил. Пока!

Появляется Иосиф. Без звонка, без предупреждения. Запястье левой руки опять перевязано, но левую руку он пытается скрывать за спиной.

Д м и т р и й. Это хорошо, что ты пришёл.

И о с и ф. Я не просто пришёл, я тебя искал.

Д м и т р и й. Как будто ты не знаешь, где я живу. (*пытается заглянуть за спину Иосифа*).

И о с и ф. Видимо, ты живёшь теперь в разных местах.

Д м и т р и й. Например?

И о с и ф. Например, на зимней даче в Комарово, на улице Глинки...

Д м и т р и й. Что за намёки? *(отходит к столу, пробует нащупать пепельницу за спиной)*.

И о с и ф. Намёки? Что ж – давай без намёков. Хочется услышать кое-какие объяснения от бывшего друга.

Д м и т р и й. Изволь. У меня произошли некоторые перемены, которые, вероятно, касаются и тебя тоже.

И о с и ф. Прекрасное начало! Ну-ну...

Д м и т р и й. Мы с Мариной теперь вместе.

И о с и ф. Вы с Мариной?! Я не ослышался?

Д м и т р и й. Я сказал вполне чётко.

И о с и ф. И что это значит?

Д м и т р и й. Это значит, что мы вместе. Отныне заботу о её судьбе я беру на себя.

И о с и ф. Отлично! Она выходит за тебя замуж?

Д м и т р и й. Пока нет.

И о с и ф. Но ты с ней уже спал?

Д м и т р и й. Ты же знаешь, я на такие вопросы не отвечаю. Я связываю свою жизнь с этой девушкой. Жизнь, понимаешь?

И о с и ф. Поэтому ты с ней спал?

Д м и т р и й. Спал – не спал, какая разница? Она выбрала меня. Так что, пожалуйста, оставь её и не преследуй.

И о с и ф. Как у тебя всё легко и просто!

Д м и т р и й. Ося, это наше обоюдное решение.

И о с и ф. Очевидно, ты полагаешь, что с этим решением я буду считаться?

Д м и т р и й. Думаю, да. Во всяком случае, цивилизованные люди поступают именно так.

И о с и ф. Цивилизованные?! Знаешь, эта ситуация напомнила мне одну историю. Там были другие персонажи. Но их смело можно спроецировать на нас. Мы сидим за столом в компании, я обнимаю девушку, а ты втыкаешь вилку в мою руку.

Д м и т р и й. Это неудачный пример.

И о с и ф. Приведи свой.

Д м и т р и й. Любой пример будет воспринят, как оправдание. Я не хочу перед тобой оправдываться. Я люблю Марину. На этом точка.

И о с и ф. Ты любишь Марину. А я её не люблю?

Д м и т р и й. Она сделала выбор, и он не в твою пользу.

И о с и ф. А я вот, например, не уверен, что она сделала выбор. Может, это ты сделал выбор? За неё.

Д м и т р и й. Она взрослый человек.

И о с и ф. Я не спорю.

Д м и т р и й. Её жизнь больше тебя не касается. И вообще: я собираюсь уходить. Уходи и ты.

И о с и ф. Конечно, я уйду, не переживай. Но твой поступок – это подлость.

Д м и т р и й. В чём подлость? В том, что два человека любят друг друга?

И о с и ф. Есть такое понятие – этика. Извини за пафос.

Д м и т р и й. Если ты пришёл меня воспитывать, то, увы – не по адресу.

И о с и ф (*собираясь уходить*). Если бы это было дурное кино, я бы сказал, что ты пожалеешь. А так – Бог тебе судья.

Д м и т р и й. Напоследок я хочу тебе напомнить. Помимо личных дел, есть ещё литература, в которой мы связаны, и где мы – на одной стороне.

И о с и ф (*останавливаясь*). Да? И на какой же мы стороне?

Д м и т р и й. Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю. Я читал вторую статью в «Вечёрке» от 8 января. Тебя опять клеймят. И здесь – я на твоём корабле.

И о с и ф. Если ты на моём корабле, мне такой корабль не нужен! И вообще, за такие дела морду бьют, понял? (*хватает Дмитрия за грудки, между ними лёгкая потасовка*).

Д м и т р и й. Ты охренел?!

И о с и ф. Ладно, мы ещё поквитаемся!

Иосиф быстро уходит. Дмитрий берёт со стола первую попавшуюся книгу, швыряет ему в след.

Сцена седьмая

Тот же интерьер, но теперь это комната Марины. Сценограф может добавить какую-нибудь деталь – например, фикус в горшке (в 1960-е годы это было модно). Марина сидит за столом, рисует. Появляется Дмитрий, в руках цветы.

Д м и т р и й. Привет! (*протягивает букет*).

М а р и н а (*поднимаясь*). Привет! А я тебя вспоминала! И наш Новый год...

Дмитрий и Марина долго обнимаются.

Д м и т р и й. Я соскучился! Очень хотел тебя видеть...

М а р и н а. Я тоже!

Д м и т р и й. Я заходил сегодня два раза, тебя не было дома...

М а р и н а. Я была в издательстве.

Д м и т р и й. А что там?

М а р и н а. Сдавала «Чукотские сказки».

Д м и т р и й. Это про мальчика Гаттэ, злую мачеху и заморского паука?

М а р и н а. Ага. Про медведя, лису-чукотницу и прочую лесную живность.

Д м и т р и й. Да, весело у вас!

М а р и н а (*ставя цветы в вазу*). А у тебя какие новости?

Д м и т р и й. В общем, никаких. (*пауза*). Наш общий друг Женечка внезапно разродился поэмой «Глаз и треугольник».

М а р и н а. И что?

Д м и т р и й. Ключевое слово «треугольник».

М а р и н а. И?

Д м и т р и й. Теперь, посредством этой поэмы, за нами наблюдают в замочную скважину. С этими стишками он уже побывал во многих компаниях – от физиков до лириков. В общем... Осю травят чужие, меня травят свои.

М а р и н а. Успокойся, никто тебя не травит. К тому же, про Женьку говорят: он знает всё, но неточно.

Д м и т р и й (*после паузы*). Было бы очень кстати, если бы ты вышла за меня замуж.

М а р и н а. Замуж?! Сейчас?

Д м и т р и й. Ну, да. Многие проблемы отпадут сами собой.

М а р и н а. Я не готова.

Д м и т р и й. Почему?

М а р и н а. Ну, не знаю... Просто не готова. Кстати... Ося тоже делал мне предложение.

Д м и т р и й. Ах, вот оно как!

М а р и н а. Да, и не раз.

Д м и т р и й. Интересно...

М а р и н а. Между прочим, он заходил. С порезанной рукой.

Д м и т р и й. То есть ты продолжаешь с ним общаться?

М а р и н а. Не совсем.

Д м и т р и й. Как «не совсем», если он к тебе приходил?

М а р и н а. Он зашёл почитать стихи.

Д м и т р и й. И ты его приняла?

М а р и н а. Конечно.

Д м и т р и й. А я думал, что он уже отлип... Ну, и как стихи?

М а р и н а. Вполне состоялись... У него теперь новый принцип в стихах. Он называет его «ярость».

Д м и т р и й. О, я даже не сомневаюсь!

М а р и н а. Мы должны были поговорить. Потому что я против твоих объяснений с ним. Я бы хотела сама всё уладить. Постепенно.

Д м и т р и й. То есть ты будешь встречаться с ним и дальше, чтобы улаживать всё постепенно? Нет, это невозможно!

М а р и н а. Почему?

Д м и т р и й. Просто потому, что это невозможно! Ведь я люблю тебя! Ты ведёшь двойную игру. Может, тебе просто нравится, как он сходит с ума? У него это очень темпераментно выходит. Со срывами в истерику, с бритвой по запястью...

М а р и н а. Что за чушь! Для отношений нужно время. А ты бежишь впереди паровоза. И жутко ревнуешь.

Д м и т р и й. Но в наших с тобой отношениях и так всё ясно!

М а р и н а. Ясно что?

Д м и т р и й. Ясно, что всё серьёзно. Во всяком случае, с моей стороны. Или ты считаешь, что я просто решил за тобой приударить? Переспать, а потом вернуть бывшему товарищу?

Марина подходит к подаренным цветам, медленно отрывает листья.

Д м и т р и й. Ты его любила?

М а р и н а (*не отрываясь от выдёргивания листьев*). Допустим.

Д м и т р и й. Но при этом не хотела с ним жить. Не стремилась часто видеть. И даже на общих вечеринках ты всегда держалась независимо. Не желала его в провожатые после очередной попойки... А ведь любить – это хотеть касаться. Ты не думала об этом?

М а р и н а. Ты цитируешь Станиславского, который был режиссёром. Для театрального человека основа существования – действие, которое к любви, на самом деле, никакого отношения не имеет.

Д м и т р и й. Да?

М а р и н а. Да! Любить – значит желать радости. И мне совершенно не важно, с кем у него эта радость будет – со мной, или с предыдущей... слависткой. Просто ты, как большинство, путаешь любовь и страсть.

Д м и т р и й. Это, наверное, учение Стерлигова. Купольно-вселенское.

М а р и н а. Нет, это моя добыча.

Д м и т р и й. Значит, это просто ревность с твоей стороны.

М а р и н а. Думай, как хочешь.

Д м и т р и й. Когда и вместе нельзя, и забыть невозможно. Прекрасно! Ты – как Лиля Брик, которая мечется между мужем и Маяковским.

М а р и н а. А ты, конечно, Маяковский!

Д м и т р и й. Твоё поведение лучше всего изложить одной фразой: убегающее – схватить!

М а р и н а. Я недостаточно проницательна, чтобы понять твою витиеватую мысль.

Д м и т р и й. Всё ты понимаешь! Не надо притворяться. Просто тебе не интересно связывать себя надолго. И Осю ты удерживала лишь тем, что никогда не принадлежала ему целиком. Но, с другой стороны, может, ты и права: наверное, получив немедленное согласие, он тут же охладел бы к своему идеалу.

Марина подходит к окну, отодвигает занавеску, за окном стоит Иосиф.

Д м и т р и й. Что там? (*тоже подходит к окну*). Отвергнутый?

М а р и н а (*резко одёргивая штору*). Отойти! Как ты можешь?

Д м и т р и й. Он что – следит за тобой?

М а р и н а. Никто ни за кем не следит!

Д м и т р и й. Значит, он ждёт, когда я уйду!

М а р и н а. У тебя мания преследования!

Д м и т р и й. Сейчас я это прекращу!

М а р и н а. Стой, тебе говорят! (*пауза*). Дурак!

Дмитрий выбегает из комнаты. Марина смотрит в окно...

Сцена восьмая

Тот же интерьер, но без раскладушки. Теперь это зал суда. На столе – графин с водой. В зале сидят Марина и Дмитрий. Чуть поодаль – подсудимый Иосиф.

Г о л о с. Встать! Суд идёт!

Появляется Судья, проходит, садится за стол.

С у д ь я (*оглядывая зрительный зал*). Сколько народу! Мы не думали, что соберётся столько народу...

Д м и т р и й. Не каждый день судят поэта!

С у д ь я. А нам всё равно – поэт или не поэт. Подсудимый, ответьте суду: чем вы занимаетесь?

И о с и ф. Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...

С у д ь я. Никаких «я полагаю». Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стенам! Смотрите на суд! У вас есть постоянная работа?

И о с и ф. Я думал, что это и есть постоянная работа.

С у д ь я. Отвечайте точно!

И о с и ф. Я думал, что стихи мои будут напечатаны. Я полагаю...

С у д ь я. Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте, почему вы не работали?

И о с и ф. Я работал. Я писал стихи.

С у д ь я. Нас это не интересует. Нас интересует, с каким учреждением вы были связаны.

И о с и ф. У меня были договоры с издательством...

С у д ь я. Перечислите: какие договоры, от какого числа, на какую сумму.

И о с и ф. Точно не помню. В Москве вышли две книги с моими переводами...

С у д ь я. Можно ли жить на те суммы, что вы зарабатываете?

И о с и ф. Думаю, да. Находясь в тюрьме, я расписывался в том, что на меня потрачено 40 копеек в день. А я зарабатывал больше, чем 40 копеек в день.

С у д ь я. Но это только еда! Надо же обуваться, одеваться...

И о с и ф. У меня есть один костюм, и другого мне не надо.

С у д ь я. Ваш трудовой стаж?

И о с и ф. Примерно...

С у д ь я. Нас не интересует «примерно»!

И о с и ф. Пять лет.

С у д ь я. Где вы работали? Конкретно!

И о с и ф. На заводе «Арсенал». В геологических партиях...

С у д ь я. Сколько вы работали на заводе?

И о с и ф. Год.

С у д ь я. Кем?

И о с и ф. Фрезеровщиком.

С у д ь я. А вообще, какая ваша специальность?

И о с и ф. Поэт. Поэт-переводчик.

С у д ь я. А кто признал, что вы поэт? Союз писателей? Кто причислил вас к поэтам?

И о с и ф. Никто.

С у д ь я. Вы учились этому?

И о с и ф. Чему?

С у д ь я. Чтобы быть поэтом! Вы пытались окончить вуз, где готовят поэтов?

И о с и ф. Я не думал, что это дается образованием.

С у д ь я. А чем же?

И о с и ф. Я думал... это от Бога...

С у д ь я (*перекладывая бумагу*). С 1956 года вы переменяли 13 мест работы. Вы работали на заводе год, потом полгода не работали. Летом были в геологической партии, а потом 4 месяца опять не работали... Объясните суду, почему в перерывах вы не работали и вели паразитический образ жизни?

И о с и ф. Я в перерывах работал. Над стихами и переводами.

С у д ь я. А что полезного в том, что вы часто меняли место работы?

И о с и ф. Я начал работать в 15 лет. Мне всё было интересно. Я менял работу, потому что хотел больше знать о жизни, людях...

С у д ь я. А что вы делали полезного для родины?

И о с и ф. Я писал стихи. Я убежден... Я верю: то, что я написал, окажется полезным не только сейчас, но и потом – будущим поколениям.

С у д ь я. Значит, вы думаете, что ваши – так называемые – стихи приносят людям пользу?

И о с и ф. А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

С у д ь я. Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет. Лучше объясните суду, почему в перерывах между работами вы не трудились?

И о с и ф. Я трудился. Я писал стихи.

С у д ь я. Но ведь есть люди, которые работают на заводе и пишут стихи. Что вам мешало так поступать?

И о с и ф. Но люди не похожи друг на друга. Они разные. Цветом волос, глаз, выражением лица, характером...

С у д ь я. Это не ваше открытие. Это всем известно. Лучше объясните, как расценить ваше участие в нашем великом поступательном движении к коммунизму?

И о с и ф. Строительство коммунизма – это не только стояние у станка и пахота земли. Очень часто это интеллигентный труд, который...

С у д ь я. Оставьте высокие фразы. Отвечайте, как вы думаете строить свою трудовую деятельность в будущем.

И о с и ф. Я бы хотел писать стихи и переводить. Но если это противоречит каким-то общепринятым нормам, я поступлю на постоянную работу, и всё равно буду писать стихи.

С у д ь я. Вы сделали для себя выводы из выступления печати? Из критики товарищей?

И о с и ф. Статья Лернера – абсолютно лживая, если вы об этом. Вот единственный вывод, который я сделал.

С у д ь я. Значит, других выводов вы не сделали?

И о с и ф. Нет. Я не считаю себя человеком, ведущим паразитический образ жизни.

С у д ь я. У вас есть вопросы к суду?

И о с и ф. У меня просьба: дать мне в камеру карандаш и бумагу.

С у д ь я. Об этом просите начальника милиции.

И о с и ф. Я просил, он отказал.

С у д ь я. Хорошо, я передам. У вас есть ходатайства к суду?

И о с и ф. Я хотел бы знать, за что меня арестовали.

С у д ь я. Это вопрос, а не ходатайство.

И о с и ф. Тогда у меня ходатайства нет...

С у д ь я (*встаёт из-за стола*). В соответствии со статьёй 209 УК РСФСР Постановлением народного суда Дзержинского района города Ленинграда от 13 марта 1964 года принято решение: выселить подсудимого Иосифа Бродского из города Ленинграда в специально отведенную местность сроком на пять лет с обязательным привлечением к труду по месту поселения.

Сцена девятая

Деревня Норинская. Посреди сцены – сеновал: большой квадрат мешковины, на котором стоит стог сена. Рядом лежит топор. Утро. Иосиф сидит возле стога, в руках сигарета, но нет спичек, он ищет их по карманам. Появляется Марина.

М а р и н а. Привет!

И о с и ф (*вскакивая*). Ты?! Не может быть!

М а р и н а. Вот... Решила тебя навестить...

И о с и ф. Очень мило... Как ты сюда попала?

М а р и н а. Как все. Сначала на поезде, потом на попутной машине...

И о с и ф. А который час?

М а р и н а (*смотрит на часы*). Девять.

И о с и ф. Уже девять...

М а р и н а. Это поздно или рано?

И о с и ф. Для города рано, для деревни, пожалуй, поздно.

М а р и н а. Ты опоздал на работу?

И о с и ф. Нет. У меня сегодня выходной.

М а р и н а. Ты не рад мне?

И о с и ф. Почему, я очень рад!

М а р и н а. Ты говоришь так, как будто мы расстались вчера. А на самом деле, мы не виделись уже три месяца! Квартал – как говорит наш бухгалтер.

И о с и ф. Правда?

М а р и н а. Да!

И о с и ф. И чем же ты занималась весь этот квартал?

М а р и н а. Всё тем же. Рисовала для «Детгиза».

И о с и ф. А я думал, что ты...

М а р и н а (*перебивая*). Нет.

И о с и ф. Хочется верить...

М а р и н а (*обнимая Иосифа*). Казнить, нельзя помиловать?

И о с и ф. Казнить нельзя. Помиловать! (*пауза*). Я столько раз представлял себе, как ты появишься, как войдёшь...

М а р и н а. И вот я появилась... Всё будет хорошо! Всё будет по-прежнему... Я постараюсь приезжать часто и надолго.

И о с и ф. А как же твоя работа?

М а р и н а. Ну, я ведь не каждый день хожу в издательство. К тому же, я могу и здесь рисовать. Могу готовить еду, пока ты в полях...

И о с и ф (*смягчаясь*). Если так, я буду ждать... Только тебе быстро наскучит деревня. Здесь даже электричества нет.

М а р и н а. Как нет?

И о с и ф. Ну, так. Свечи, керосинка...

М а р и н а. И как же ты живёшь? Как пишешь?

И о с и ф. Живу прекрасно! И пишу много. Вот послушай:

Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас.

И цифры как-то сходятся в слова,
откуда приближаются к тебе
смятенье, исходящее от А,
надежда, исходящая от Б.

Два путника, зажав по фонарю,
одновременно движутся во тьме,
разлуку умножая на зарю,
хотя бы и не встретившись в уме.

М а р и н а. Здорово! Мне очень понравилось! Ты стал писать по-другому.

И о с и ф. Лучше?

М а р и н а. Не лучше и не хуже, просто по-другому.

И о с и ф. Волошин сказал, что главное произведение поэта – это сам поэт.

М а р и н а. Хорошо сказал. Убедительно!

И о с и ф. Когда живёшь вдали от столиц, многое начинаешь переосмысливать.

М а р и н а. И чем же занимается поэт вдали от столиц? В чём его трудовая доблесть?

И о с и ф. Ну, как... Я – сельскохозяйственный рабочий. По крайней мере, так записано в ведомости. Рублю жерди, очищаю поля от камней. Тут такие здоровенные валуны на полях, их надо убирать, прежде чем что-то сеять.

М а р и н а. Бедный! Тебе тяжело?

И о с и ф. Скорее, непривычно. Но... Когда я встаю на рассвете, и около шести иду за нарядом в правление, вдруг понимаю, что в этот же самый час по всей, что называется, земле русской, происходит то же самое: народ идёт на работу. И я, конечно, ощущаю свою принадлежность к этому народу. Это колоссальное ощущение!

М а р и н а. А Женька рассказывал, что ты пасёшь телят...

И о с и ф. Было, да. Но они у меня разбегаются.

М а р и н а. И как ты их собираешь?

И о с и ф. Собираю не я. У меня пока не получается...

М а р и н а. Забавно! А что за люди живут здесь?

И о с и ф. Ну... Разные люди. Крестьяне. В основном, пьющие, но, как ни странно, добрые. И ты знаешь, мне гораздо легче общаться с ними, нежели с большинством знакомых в родном городе. Вот такой удивительный парадокс.

М а р и н а. А деревня большая?

И о с и ф. Четырнадцать домов.

М а р и н а. А местный ландшафт? Он тебе нравится?

И о с и ф. Он не шокирует, но и не привлекает. Северная растительность, ёлочки, болотца... Дома деревянные, бесцветные...

М а р и н а. Тут ведь, наверное, белые ночи?

И о с и ф. Да! Вот они совершенно потрясающие! Ещё белее, чем у нас в Ленинграде... Жалко ложиться спать.

М а р и н а. А зимой здесь, конечно, жуткий холод...

И о с и ф. Вот поэтому Анна Андреевна хочет подарить мне тёплый шарф. Привезёшь?

М а р и н а. Обязательно! А пока – я привезла тебе маленькое спортивное развлечение. *(достаёт из сумки ракетки для бадминтона и волан)*.

И о с и ф. О, это классная игра!

М а р и н а. Сыграем?

И о с и ф. Давай! А что мне будет, если я выиграю?

М а р и н а. Тебе буду я!

И о с и ф. Тогда я буду стараться! *(играют в бадминтон через стог сена)*.

М а р и н а. А как ты себя чувствуешь? Как сердце?

И о с и ф. Стучит. Вполне прилично.

М а р и н а. А мне Стерлигов предложил выставку у себя на квартире.

И о с и ф. Поздравляю! Персональная выставка – это хороший старт! А что там будет?

М а р и н а. Там будет примерно сорок работ. В основном пейзажи акварелью.

И о с и ф. А мне предложили напечатать стишки в местной газете «Призыв».

М а р и н а. Ух ты! Это практически признание! Какие стихи ты выбрал?

И о с и ф. К сожалению, выбирал не я. Поэтому стихотворение называется «Тракторы на рассвете».

М а р и н а. Ну, и хорошо! Какая разница? Пускай тракторы.

И о с и ф. А ещё я записался в библиотеку. Правда, до неё двадцать километров.

М а р и н а. И как ты туда добираться?

И о с и ф. На попутке. Или вот на велике... *(пауза)*. Хочешь парного молока?

М а р и н а. А что – есть?

И о с и ф. Думаю, да...

М а р и н а. Тогда хочю!

И о с и ф. Ну, жди. Пойду поклонюсь коровке. Если она в настроении, будет тебе завтрак! (*целует Марину, садится на велосипед, уезжает*).

М а р и н а (*снимает туфли, забирается на стог сена, ложится, жуёт соломинку*).

Дни бегут надо мной,
словно тучи над лесом,
у него за спиной
сбившись стадом белесым.

И, застыв над ручьем,
без мычанья и звона,
налегают плечом
на ограду загона.

Появляется Иосиф с банкой молока.

И о с и ф. Повезло! Ещё тёплое! (*протягивает банку Марине*). Держи! Что надо сказать?

М а р и н а. Му! (*пьёт, смеётся*). Вкусно! Совсем не похоже на магазинное! И воздух такой медовый... Сладкий! Без примеси бензина и городской пыли...

И о с и ф. Если не сопьюсь, вернусь окончательно здоровым.

М а р и н а. Ага, как из санатория!

Иосиф забирается на стог, берёт у Марины банку, ставит на землю. Марина медленно раздевается. Звучит знакомый джаз. Затемнение.

Сцена десятая

Иосиф и Марина сидят на земле, опираясь на стог.

И о с и ф. Как хорошо, что ты приехала!

М а р и н а. И как плохо, что я уезжаю...

И о с и ф. Я буду звонить! Нечасто, но на почте работают симпатичные люди, они мне даже сочувствуют. Надеюсь, позволят слышать тебя хотя бы раз в неделю.

М а р и н а. Пиши мне, ладно? Я буду перечитывать твои письма.

И о с и ф. Обязательно! Правда, сначала их будут читать в КГБ.

М а р и н а. Надо придумать шифр. У меня в детстве был... Для секретов от родителей.

И о с и ф. Да? И ты его помнишь?

М а р и н а. Помню.

Внезапно появляется Дмитрий.

Д м и т р и й. Марина! Вот ты где!

И о с и ф. Откуда ты взялся?!

Д м и т р и й (*Марине*). Значит, твоя мать соврала, что не знает, где ты?

И о с и ф. Какое тебе дело до её матери?

Д м и т р и й. Отвали! (*Марине*). Я за тобой! Собирайся!

И о с и ф. С тобой она никуда не поедет! Она приехала ко мне!

М а р и н а. Я не поеду.

Д м и т р и й. То есть, как не поедешь? Ты же обещала...

М а р и н а (*перебивая*). Я останусь здесь!

Д м и т р и й. С какой стати?

М а р и н а. Я останусь здесь.

Д м и т р и й. Как жена декабриста? Ты решила здесь поселиться?

М а р и н а. Тебя это не касается.

Д м и т р и й. Все эти решения – не твои! Вокруг тебя слишком много попечителей. Надо же! Уже и до родителей добрались! Как это их любимая дочь посмела оставить Поэта номер один, которому она обязана его выбором?

М а р и н а. Перестань кривляться!

Д м и т р и й. К тебе домой приходят какие-то странные люди, беседуют с твоим отцом, что-то советуют...

И о с и ф. А что же ты сам не приходишь, не беседуешь? Не о чем?

М а р и н а (*Дмитрию*). У тебя паранойя.

Д м и т р и й. Я ведь знал, что ты бегаешь к нему на Пряжку, носишь передачи.

М а р и н а. И что? Милосердие запрещено законом?

Д м и т р и й. Это называется игра нервов!

И о с и ф. Только не твоих, а моих!

Д м и т р и й (*Иосифу*). Ждёшь, когда превратишься в памятник самому себе? «Какую биографию делают нашему рыжему!» – это про тебя Ахматова печётся!

И о с и ф. Иди ты к чёрту!

М а р и н а. Уходи! Уезжай один.

Д м и т р и й. Как бы не так! Ты поедешь со мной!

М а р и н а. Нет!

И о с и ф. Она отсюда никуда не уедет.

Д м и т р и й. Нет, уедет. Мы уедем вместе!

В этот момент свет в зале чуть меркнет, луч прожектора падает на топор, лежащий рядом со стогом сена. Минута – и всё возвращается.

И о с и ф. Ты же не собираешься доводить разговор до крайности?

Д м и т р и й. Полагаешь, я хочу сесть за убийство?

И о с и ф. Ну, а за что тебе ещё сесть? Не за стихи же.

Д м и т р и й. Унижаешь? Соревнуешься?

И о с и ф. Только не с тобой.

Д м и т р и й. Ты уже половину города настроил против меня. Некоторые просто не здороваются!

И о с и ф. Неужели?

Д м и т р и й. Олег Целков забрал у меня свою картину, которую я у него купил!

И о с и ф. По-твоему, это я ему приказал? Командую революцией, как Ленин из Разлива?

Д м и т р и й. Иронизируешь зря. Думаю, это с твоей лёгкой руки меня выперли с той дачи. Кстати, ты ведь и ножик мой оттуда прихватил.

И о с и ф. Когда я пришёл на эту дачу, мне показалось, что я умер...

Д м и т р и й. Сколько пафоса! Всю эту ситуацию ты обостряешь сознательно. Чем хуже, тем лучше.

И о с и ф. Странно, что ты не упрекаешь меня за плохую погоду. Хочешь устроить мне второй суд?

Д м и т р и й. Тем не менее, общие друзья разделились на твоих и моих.

И о с и ф. Если они и разделились, то не моими усилиями.

Д м и т р и й. Можешь собой гордиться. Это лучший скандал года. Публика аплодирует стоя!

И о с и ф. Ну, вот видишь – ты тоже снискал свои аплодисменты.

Д м и т р и й. Ждёшь, чтобы я самоустранился?

И о с и ф. Это дело твоей совести.

Д м и т р и й. Ты говоришь о том, чего сам не имеешь.

И о с и ф. Твой поступок – абсолютное вероломство. Причём здесь моя совесть?

Д м и т р и й. Ты отдаёшь себе отчёт, что жизнь впереди длинная, а между нами уже пропасть?

И о с и ф. Меня это не интересует.

Д м и т р и й. Конечно! Теперь тебя интересует только пьедестал, на который ты встанешь. Можешь вычеркнуть меня из записной книжки, но только не из литературы!

М а р и н а. Всё! Я устала от этих разборок! Это какой-то бесконечный дурной сон! Я уезжаю! Но только одна!

Слышен звук мотора. Попутный грузовик готов тронуться с места.

И о с и ф. Как ты поедешь? Машина уже ушла!

М а р и н а. Значит, я пойду пешком!

Д м и т р и й. Это невозможно! Это двадцать километров! Кругом лес!

М а р и н а. Прекрасно! Отличная погода, свежий воздух!

И о с и ф. Ты же хотела остаться!

Марина резко срывается с места и быстро убегает. Уже за кулисами слышен её голос.

М а р и н а (*громко, водителю грузовика*). Подождите! Не уезжайте! Я поеду с вами!

И о с и ф, Д м и т р и й (*вместе, с эффектом реверберации, если имеется такая техническая возможность*). Марина!

Минутное затемнение. Свет понемногу зажигается, на сцене Марина, Иосиф, Дмитрий. В руках оркестровые треугольники, как в начале.

М а р и н а (*ударяет в треугольник*). Я не вышла замуж ни за Осю, ни за Диму. Я вообще не вышла замуж. В 1967 году родила сына Андрея, отцом которого стал Ося. Ребёнка воспитывала одна. До самого начала перестройки продолжала оформлять детские книги. В 1972 году Иосиф уехал в Америку, больше мы с ним не виделись...

И о с и ф (*ударяет в треугольник*). После ссылки, которая длилась полтора года, я вернулся в Ленинград. В 1965 году, по рекомендации Корнея Чуковского, меня приняли в Группком переводчиков при Ленинградском отделении Союза писателей. Это позволило избежать новых обвинений в тунеядстве. До отъезда на запад в советской печати было опубликовано всего несколько стихотворений и переводов. С Мариной я общался, и очень хотел, чтобы она уехала со мной в Америку. Но она была непреклонна... Марине я посвятил большую часть любовной лирики. После получения Нобелевской премии в 1987 году, мои стихи начали издавать на родине.

Д м и т р и й (*ударяет в треугольник*). После этой истории, с Мариной я виделся редко. Она избегала встреч. Правда, будучи на девятом месяце, пришла сама и спросила, приму ли я её с ребёнком. Я сказал – конечно! Но после роддома она поселилась в квартире художника Кочергина. Я бывал там, пока Марина с Андреем не переехали жить к её родителям. Дальше в моём появлении уже не нуждались... В 1979 году я эмигрировал в Штаты. В том же году, в Париже, вышла моя первая книга стихов. С 1983 года я гражданин США, живу в городе Урбана-Шампейн. Бывший профессор Иллинойского университета, преподаватель русского языка и литературы. В 1991 году я женился на своей институтской подруге Гале, которая перед этим дважды была свидетельницей на моих предыдущих свадьбах. С Иосифом мы так и не помирились. Хотя я просил у него прощения.

Одновременно все трое ударяют в треугольники, звучат «Очи чёрные» – любимая песня Иосифа Бродского. Герои подпевают.

Занавес